

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**Прошу вас, братья, примите сие
слово увещания.**

Послание Павла к Евреям
13:22

**Пересмотрите, есть ли неправда?
пересмотрите, — правда моя.**

Книга Иова
6:29

В работе, которую еще держит в руках читатель, не было возможности изложить сколь-нибудь исчерпывающего толкования Священного Писания, не было возможности ответить на все вопросы. Да и ставить перед собой такую задачу было бы для нас верхом самонадеянности, и в противном случае читатель получил бы веское основание сомневаться во всем в сей книге написанном, ибо можно быть уверенным, что это был бы именно тот случай, когда применимы слова Апостола: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (1 Кор 8:2) и Екклесиаста: «Если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть [всех дел Божиих]» (Ек 8:17). Поэтому гораздо более разумным нам представляется следовать совету: «Не выставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?» (Ек 7:16).

Потому мы не только не будем настаивать на совершенном изложении экзегетики Писания, но даже более того — выделим некоторые вопросы, являющиеся следствиями решенных проблем. Некоторые из них, если не все, должны были привлечь внимание читателя и без нашего замечания.

Так, ведя речь о символике пищи, мы не имели возможности всерьез заняться заповедью «не вари козленка в молоке матери его» (напр., Исх 23:19), и она остается пока лишенной всякого смысла.

В свете отстаиваемого нами тезиса об апокатастатическом бессмертии мужей достаточно серьезную проблему представляет изобилие в Священном Писании жен, мужья которых мертвы, вдов. Иными словами, речь идет о мертвом внутреннем человеке.

Весьма серьезная проблема вытекает из нашего изложения апокатастасиса вкупе с палингенезией. Внутренний человек обновляется (ср. 2 Кор 4:16), совершенствуется, а вместе с тем в каждой новой палингенезии он и душу получает все более добрую (ср. Прем 8:19). Казалось бы, чем дальше, тем больше должно быть в мире добрых душ. Но нет! «Сколько будет слабеть век от старости, столько будет умножаться зло для живущих» (3 Езд 14:16). Мало того! Наш рассказ мог навести на мысль о прогрессе человечества в целом. Как же тогда быть с тем, что спасется лишь малое число?

Несмотря на все сказанное по поводу тридцати сребреников, громадную загадку продолжает составлять тайна предательства Иуды, еще более увеличивающаяся от того, что само по себе предательство не было необходимо, ибо Иисуса несомненно в лицо знали многие, так что опознать Его мог бы и кто-нибудь из фарисеев и членов Синедриона. Последнее положение

столь очевидно, что мы даже не берем на себе труда это доказывать. К тому же того, кто хочет заблуждаться, нельзя убедить никакими доводами — *Qui vult decipi decipiatur*, как говаривали латиняне.

Однако заблуждаться может и тот, кто того не хочет. Как оправдать Иуду, когда Иоанн называет его вором (ср. Ин 12:6)? Как увязать наш вывод о тайном спасении Искарриота, коль скоро из слов самого Иисуса почти навязчиво следует, что он — «сын погибели» (Ин 17:12)?

Наконец, все предыдущие проблемы, одна из которых мала, другая велика, а остальные заслоняют вторую в той же мере, как та первую, — все заданные и не заданные вопросы, решенные и нерешенные проблемы перекрывает вопрос, о котором, даже если сказать, что он сверхвелик, — это все равно, что ничего не сказать. Вот этот вопрос — если роль предопределения столь велика, что каждый шаг человека заранее известен, и все волосы на голове его сочтены (ср. Мф 10:30; Лк 12:7), то для чего все это, начиная от сотворения мира и до конца света, нужно Богу?!

В конце концов, предел нечестия — думать, что Бог сотворил все для развлечения, от нечего делать. Но трудно помыслить, не только что творение бесцельно, но даже что оно имеет не самую величайшую из целей. А если не так, то, творя все, Бог занимался бы недостойным Себя делом. Но коль скоро цель творения столь велика, что ее величию нет сравнения, то можно ли предположить, что достижение сей цели могло изначально быть поставлено в зависимости от такой презренной вещи, как «человеческая воля»?! А уж если «человеческая воля» свободна, то достижение Божественной цели сомнительно...

Итак, вослед Игнатию Антиохийскому и мы скажем: «Я, хотя... могу понимать небесное... но при всем том я еще несовершенный ученик. Многого еще не достаёт нам, чтобы быть совершенными в Боге» (Тралл 5). Но при всем том не вызывает ни малейших сомнений наказ Екклесиаста: «Все, что может рука твоя делать, по силам делай» (Ек 9:10), плодом следования коему и является то, что держит в руках читатель.

С одной стороны, наше несовершенство в Боге находит некоторое утешение в словах Апостола: «Если верность Божия возвышается моей неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника?» (Рим 3:7). С другой стороны, сия неверность является достаточным побудительным мотивом для продолжения исследования. Однако следует некогда подвести черту определенного этапа, коим и является то, о чем мы успели рассказать к настоящему времени, и именно для того, чтобы поведать об этом.

Но прежде чем поставить последнюю в этой книге точку, имеет смысл сделать краткий обзор нашей работы, выделив основные¹ выводы, в числе коих есть вещи, о которых мы говорили достаточно подробно, есть и такие принципы, которых мы только коснулись, есть и такие, которые вообще не были подчеркнуты нами, но являются прямыми следствиями определенных открытых нами законов². Не можем мы и исключить необходимость в будущем возвращаться к некоторым изложенным идеям, дабы исправлять наше несовершенство в слове.

¹ Мы не собираемся повторять здесь таких ставших уже прописными истин, как необходимость аллегорического понимания Писания; не повторяем мы и того, что аллегорический смысл несравненно более ценен, нежели буквальный; не упоминаем мы и того, что в Писании нет и не может быть «устаревших» и «потерявших актуальность» мест, хотя все сии и являются нашими первейшими принципиальными выводами. Мы также не видим смысла повторять сейчас заключение о безусловном главенстве духовного смысла над всяческими измышлениями людей о Боге, подкрепленными «авторитетом» сомнительных святых и называемыми «церковным преданием». Мы даже не считаем нужным включать в нынешний раздел смысл тайны беззакония. Мы суммируем самое главное, самое забытое.

² Надеемся, что последующий раздел не послужит пособием ленивому, полагающему, что он экономит время, если ограничится одними выводами.

1

Первейший и главнейший вывод заключается в том, что по слову Иисуса Христа «Господь Бог наш есть Господь единый» (Мк 12:29). То же говорят и другие: «Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф 4:6); «Один есть Бог и нет иного, кроме Его» (Мк 12:32); «имя Его Единого превознесено» (Пс 148:13) (см. IX.5, с. 310). Это означает, что Он одновременно и единственен, и неделим — «Един Бог» (1 Тим 2:5), неделим прежде всего на *три* (см. I.XI.3, с. 336). С прискорбием подчеркиваем мы необходимость повторения сей прописной истины, но догматика современного христианства заставляет нас вновь говорить об этом.

Мы ни в коем случае не пытаемся опровергнуть или, по крайности, усомниться в том, что Христос упразднил «закон заповедей учением» (Еф 2:15), но такое упразднение закона относится к обрезаниям, правилам принесения жертв и даров, яствам и питьям, и разным омовениям и обрядам, соблюдаемым по плоти, заповедям, которые «установлены были только до времени исправления» (Евр 9:10). Должно ли вместе с этими плотскими законами отменить и десять Моисеевых заповедей? И кто решает, какие из сих десяти оставить, а какие попать *немытыми ногами*?

«Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх 20:3) — вот первейшая заповедь, напомнить которую не самое ли время? Не самое ли время вспомнить, что сия заповедь вовсе не относится к тем, кои «установлены были только до времени исправления» (Евр 9:10), ибо она дана на все времена? Не об этом ли говорит и Иисус: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5:17)? Ну а тем, кто, может быть, придерживается иного мнения, позволительно задать вопрос: если первая заповедь преходяща, то не тем ли более другие? И до какого времени установлена седьмая заповедь — «Не убивай» (Исх 20:13)? (Впрочем, и она является для николаитской партии [ереси] пустым звуком даже в плотском понимании.)

«Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси» (2 Пет 2:1). А между тем Библия дает исчерпывающий критерий отличения ложного пророка от истинного, хотя бы даже ложный пророк и был по совместительству «чудотворцем». Откроем Пятую книгу Моисея: «Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение и чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: „пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им“: то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего... Господу, [Яхве] Богу вашему, последуйте и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте, и гласа Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь. А пророка или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего... Если будет уговаривать тебя тайно брат твой... или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: „пойдем и будем служить богам иным, которых [до прихода Христа] не знал ты и отцы твои“... то не соглашайся с ним и не слушай его» (Вт 13:1–8).

Итак, повторимся, сказав еще раз: Бог Един, и нет иного Бога, кроме Единого. И точно так же, как один Бог, едина и Истина. И если тебе, читатель, покажется, что существует две Истины, то по крайней мере одна из них есть ложь, а если тебе покажется, что истина противоречива, то сие есть лишь указание на то, чтобы проверить, нет ли бревна в глазу твоём.

Две истины могут сосуществовать. Но нет и не может быть двух Истин, у Истины нет и не может быть противоречивых частей. Любые иные заключения о Боге и Истине, как то: троичность, антиномичность, и им подобные, являются заблуждениями, которые произвело на свет «нечестие глупости, невежества и безумия» (Ек 7:25).

2

Второй вывод являет собой уже не столь прописную истину. Заключается сей вывод в том, что Единый Бог, Творец всего, Сущий, обитает внутри человека, давая ему жизнь (см. I.VI.3, с. 180; I.VIII.1.1, с. 237). Этот наш вывод, как может показаться на первый взгляд, входит в прямое и явное противоречие с тем, что говорится в Писании: «Не наполняю ли Я [Господь] небо и землю?» (Иер 23:24). На сей вопрос эхом отзываются слова: «Небо и небо небес не вмещают Тебя» (3 Цар 8:27); «Бог все во всем» (1 Кор 15:28). Изъяснение этого парадокса довольно просто.

Правы и Иеремия и Павел: Бог есть Сущий во всем. Он сущ и в воздухе, и в камне, и в растении, и в животном, — одним словом, Он Вездесущ. Такое наше заявление ни в коем случае не ведет к пантеизму*. Бог, Сущий во всем и всему дающий бытие, всю Свою полнотою присутствуя в творении, никоим образом не «пронизывает» Собой все сущее, но обитает в нем, Сам оставаясь вне мира (см. I.VI.3.3, с. 184).

Сказанное ни при каких обстоятельствах не представляет собой антиномии. Таковая антиномия имела бы место, если бы Бог подобно творению был ограничен рамками трехмерного пространства. Бог Вездесущ посредством измерения, лежащего вне мира.

Но что тебе, читатель, до того?! Ведь выделить Его ты не сможешь ни из камня, ни из дерева, ни из самых священных животных. Тем же более нельзя выделить Его и из так называемых «святынь» — мощей, «чудотворных» икон и другого рода идолов и истуканов. И при этом Он «недалеко от каждого из нас» (Деян 17:27). Но и в пустыне, где Ему, как кажется, трудно спрятаться, бессмысленно пытаться даже теоретически отыскать Его в воздухе или в земле.

Вопрос о том, почему нельзя найти Бога в минерале, флоре, фауне, равно как и в иконах и мощах, разрешается просто и кратко: потому, что никто из сих не содержит посредника с Богом, коим является Логос (Λόγος) — Слово. Все они *бессловесны* (ἄλογος).

Логос же, как и Тот, из чьих уст Он вышел, также пребывает в человеке, делая человека отличным от бессловесных животных, растений и камней. И вот Слово и есть Посредник, единственно дающий возможность отыскать Бога.

Вывод о посредничестве Слова между Богом и человеком можно было бы сделать и на основании одних только древних Писаний. Ведь кроме человека, все творение обрело бытие только через Слово, через то, что «сказал Бог» (см. I.III.11, с. 101). И весь процесс творения и переход Бога в состояние покоя закончился вместе с прекращением речей из Божиих уст (см. I.III.11, с. 102). Сам же человек явился не просто сотворенным Словом, но сотворенным из Слова, имея Его *внутри* себя.

Не можем еще раз не повторить: «Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире» (1 Ин 4:4). И вот сей тот, «кто в мире», как раз без труда обнаруживается в мире, с готовностью выдавая себя за ангела или за любого другого представителя сил света в зависимости от воображения ищущего и его готовности заблуждаться. И не удивительно, ибо на то он и есть князь мира сего. Что же до Того, «Кто в вас», надо, не сомневаясь, искать Его только *внутри*, дабы не быть обманутым.

3

Третий вывод является едва ли не наиболее новым словом во всем богословии и экзегетике Писания. Заключается сей вывод в том положении, что человек является внутренне разделенным существом (см. I.VI.4, с. 186). И то, что мы всем своим жизненным опытом, здравым смыслом и традиционным пониманием Писания привыкли называть человеком, индивидуумом,

личностью, в действительности оказывается только находящейся в мире жалкой блудницей (см. I.X.8.1, с. 319), прелюбодействовать с которой, приняв личину ложного бога, пытается тот, кому муж этой блудницы пасет свиней (см. I.IX.1, с. 270).

То, что многие философы называли человеком, является малой частью того Человека, о котором сказано, что он сотворен по образу и подобию Божию. Тот же, кого гордо именуют человеком так называемые гуманисты, имеет, мягко говоря, весьма и весьма отдаленное сходство с Тем, на подобие Кому претендует. Сие не может не ставить неразрешимой головоломки и для богословов, впадающих в другую крайность — принижения человека, хуления жилища Бога (ср. Отк 13:6) (см. I.XII.2, с. 373).

То, что в общепринятом понимании является человеком, на библейском языке названо внешним человеком (2 Кор 4:16), и названо прямо, без притчей и иносказаний. Так же буквально названа и другая составляющая Человека — та, коей внешний человек не знает, о существовании коей он не может даже догадываться, от которой он отделен крепчайшей преградой, стеной. Названа эта часть истинно богоподобного человека внутренним человеком (ср. 2 Кор 4:16; Рим 7:22; Еф 3:16) (см. I.VI.4, с. 186).

Существуют термины, гораздо более близкие традиционному богословию: душа и дух. Используя их, можно сказать, что душа, соответствующая личности, индивидуальности человека, есть не что иное, как внешний человек. Внутренний же человек составляет дух, внутри которого обитает Сущий.

Символически и образно Библия дает описание Человека в виде аллегорической картины святого, нерукотворенного храма Божия — дома Господня (1 Кор 3:16; Пс 10:4; Деян 17:24). При чем картина сия до тонкостей соответствует и наличию внешнего и внутреннего, и присутствию Бога во внутренней части храма. Символика храма Господня отвечает и наличию отделяющих одно от другого завес.

Наиболее существенная новизна предлагаемой нашей книгой экзегетики заключена в раскрытии в качестве символической системы того, о чем всегда и везде было принято говорить, как о безусловно буквальных понятиях. Мы говорим об образах жены и мужа, которые являют собой символы соответственно внешнего и внутреннего человека (см. I.VI.7, с. 199). Причем и в сей системе муж и жена отделены друг от друга (не по плоти, но в духе, конечно) покровами головы жены (ср. 1 Кор 11:10).

4

Четвертый вывод заключается во множественности жизней созданного по образу и подобию Божию Человека (см. I.VII.3.2, с. 223). В ходе совершенствования своего Человек претерпевает превращения, соответствующие приданию внутреннему человеку — мужу новых и новых жен — внешних человек. Иными словами, в итоге муж становится обладателем множества жен. После того, что принято называть смертью, жена отнимается от мужа, как бы засыпает. Этот процесс имеет определенное библейское название — палингенезия (см. I.VII.5, с. 226).

Хотя мы начали рассуждения наши, будучи вынуждены пользоваться примитивным понятием «переселения душ», оказалось, что то, чего мы достигли в ходе исследования, не имеет с этим представлением ничего общего, и никакого «переселения душ» нет. Однако каждый раз при воплощении духа (или мужа) происходит придание ему новой души и плотского тела. Дух при этом, конечно, остается тем же самым, поэтому гораздо более приемлемым было бы говорить не о перевоплощении души, а о перевоплощении духа или даже, если можно так сказать, о перевоодушевлении духа (см. I.VII.9, с. 233).

В результате палингенетического процесса, имея в виду символику человека как храма Господа Бога, оказывается, что во внешний двор храма, ко скинии собрания приводятся новые и новые жены, составляющие растущее по численности собрание. Последнее слово, звучащее по-гречески как *εκκλησία*, почти везде переведено словом «церковь».

Заслуживает отдельного разъяснения, что качества каждой новой жены предопределены путем мужа, как написано о том: «Он [Бог] по делам человека поступает с ним и по путям мужа воздаст ему» (Иов 34:11), что определяет действие закона воздаяния мужу, внутреннему человеку, по его же делам (см. I.VIII.3, с. 249). При этом стоит «пожалеть» безвинно страдающих из-за «чужих» беззаконий жен.

Повторим, что «жена» переводится с языка божественных притчей на язык человеческих понятий словами «личность» или «индивидуум». Поэтому результатом палингенетического развития является то, что разные «воплощения» мужа не имеют между собой ничего общего, кроме мужа, от коего все жены в равной мере отделены. Так что разговоры среди людей о том, кто кем был в предыдущих жизнях не имеют под собой никаких оснований, ибо в предыдущих жизнях то были совершенно другие индивидуумы, другие личности, другие люди. Бывают, конечно, и случаи памяти предыдущих жизней, обусловленные тем, что жена не засыпает, отделившись от мужа, но незамедлительно воплощается в новое плотское тело. Однако таковые примеры, будучи на физическом уровне подобием возвращения человека к жизни после клинической смерти, являют собой лишь исключение, подтверждающее правило.

Не имеет под собой совершенно никаких оснований и теория так называемых родственных или «парных» душ, согласно которой задачей жизни каждого (буквально понимаемого) мужчины является поиск той единственной женщины, с кем они были некогда разлучены (а у женщины задача соответственно найти мужчину). Невероятность сей теории доходит до утверждения о достижении спасения после подобного совокупления. Абсурд, но в определенных псевдоэзотерических кругах сия теория является основанием для оправдания гомосексуализма, ибо, как утверждает ими, душа мужчины со всеми присущими ей устремлениями может «по ошибке» оказаться заключенной в тело женщины и наоборот. На самом же деле парные создания и без того заключены в единую плоть. А совокупиться им нужно в духе.

Итак, палингенезия существенная часть мироздания.

Но что вам до того? Вы идите за Христом (ср. Ин 21:22)!

5

Пятый вывод, являющий собой результат анализа Притчи о блудном сыне, заключается в том, что закон цикличности возвращения «на круги свои» (Ек 1:6) в отношении внутреннего человека проявляется не в одной лишь палингенезии. Существует также и «большой» цикл совершенствования мужа или внутреннего человека. Тот, кто является субъектом совершенствования, изначально пребывая единым с Вечным Отцом, рано или поздно оставляет Его и отправляется в мир для познания добра и зла (см. I.IX.1, с. 278). При сем он отлепляется от Отца в духе, оставляет Его и прилепляется к жене своей по плоти: «Друг и приятель сходятся по временам, но жена с мужем всегда» (Сир 40:23), ибо жена, внешний человек, есть единственный способ для внутреннего жить в мире, космосе, ибо жена является тем посредником, инструментом, которым муж только и может познать добро и зло: «От жены начало греха, и через нее все мы умираем» (Сир 25:27).

Прожив «множество жизней» со множеством жен, познав через них добро и зло, то есть обретя высшее сознание, и выполнив тем самым свою задачу, муж возвращается в исходную точку, завершая большой цикл и восстанавливая свое ранее утраченное единство с Отцом.

Отмечаем несомненное качественное различие путей нисхождения и восхождения мужа при движении в большом цикле, ибо нисходящий путь не требует никаких усилий от субъекта совершенствования, но обратный путь не только труден, но и вообще невозможен без спасительного средства, коим является институт посвящений, получаемых от Бога (см. I.VIII.7, с. 255). Таковых спасительных посвящений семь, и ни в коей мере не надо думать, что все спасение может быть достигнуто за один лишь шаг. Сей путь от самого дна до Отчего дома можно пройти только со Христом. Потому-то Он и есть путь (ср. Ин 14:6)...

Важнейшим фактом в понимании роли большого цикла является его неизбежность для того, кто хочет в итоге спастись. Ибо, если кто хочет взойти, то не означает ли это, что он должен и низойти прежде (ср. Еф 4:9)? Тот, кто хотел бы стать наследником Отца, не имеет другого пути, кроме потери сего единства. И лишь утратив единство, отправившись в путь блудного сына, можно получить возможность обрести богоподобное совершенство.

Но неискушенная невинность не зачитывается в праведность (см. I.IX.1, с. 277). Иными словами, для Отца ценность представляет лишь та овца, которая была прежде потеряна (Лк 15:4): «Так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся [прошедшем нисходящий путь], нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк 15:7). Однако нам нет надобности агитировать за следование таким путем, ибо все живущие во плоти и без того находятся уже в положении блудного сына.

Все сие касается только внутреннего человека, личности же только в некоторых частных случаях, и посему сказанное не может быть предметом утешения обольщающихся грешников.

6

Шестой вывод касается проблемы отвержения химеры о так называемой «свободе воли», свободе выбора и вообще свободе (см. I.IX.4, с. 282). Надо отдать себе отчет, что сия пресловутая «свобода» является лишь иллюзией, ибо «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Прит 19:21); «Не в воле человека путь его... не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер 10:23); «Человек ничего не может принимать на себя, если не будет дано ему с неба» (Ин 3:27).

В нисходящей части большого цикла человек отдан для познания зла во власть мира, власть дьявола. Кто из читателей рискнет заявить, что это не его обличает Иисус: «Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин 8:43–44)? И пока человек не познает зло, к нему не придет от Отца осознание необходимости обращения от зла к добру, от тьмы к свету, от Велиара ко Христу: «Никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего» (Ин 6:65).

Перефразировав известную формулу Иисуса (Ин 8:32), скажем так: ни один человек не обладает вообще никакой свободой, покуда не обретет свободу через познание истины. Тот же, кто не обладает свободой, является не кем иным, как рабом. Однако даже тот, кто осознал свое рабство, должен избавляться от него через познание истины, познание Бога. Все попытки поиска внешней свободы, подобно попыткам сломать стены своей камеры, ведут только в соседнюю камеру той же тюрьмы.

Взгляду на предопределенность, изложенному в нашей книге, противопоставляются две крайности, коих следует избегать. Первая состоит в концепции «закона кармы». О карме можно говорить лишь в предположении наличия у творца кармы почти абсолютной свободы. Кроме того, учения, имеющие в основе кармические концепции, призывают к недеянию, бездействию, ибо само слово «карма» на санскрите означает действие.

Тут видно еще одно свидетельство закона, согласно коему крайние уклонения от истины ведут к одним заблуждениям.

Мы говорим так, ибо противоположностью карме с позиции свободы воли является фатализм, от опасности впадения в который следует предостеречь читателя в не меньшей степени. Обе крайности ведут к бездействию, с которым наш вывод не имеет ничего общего, ибо Иисус призывает к действию, говоря: «жатвы много, а делателей мало» (Мф 9:37). Тому же, кто прочтя нашу работу, поймет положение о предопределенности всего как повеление или разрешение пребывать в бездейтельном ожидании нисхождения на него благодати Духа Святого, посоветуем употребить сие бездейтельное ожидание на обдумывание слов Апостола Павла: «Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть. Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину» (2 Кор 13:7–8).

Здесь надо отметить, что тот, кто знает свое предопределение, никогда не станет фаталистом: «Мудрость разумного — знание пути своего» (Прит 14:8). К фатализму может быть склонен только тот, кто пути своего не знает, а раз не знает, то и не имеет права самого себя предопределять к фатализму.

Что же касается осуждения «закона кармы», то нет большей глупости, чем делать это на основании иных источников, чем индуистские и буддистские писания, и то, что мы позволили себе в части такого рода критики, обращено лишь к тому, кто хотел бы быть одновременно и буддистом и христианином.

7

Седьмой вывод есть необходимость осознания греховности мира: «Весь мир лежит во зле» (1 Ин 5:19); «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин 2:15); «Дружба с миром есть вражда против Бога. Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак 4:4); «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф 16:26). Но если бы мы этим и ограничились, то этому нашему заключению была бы грош цена. Главное заключается в том, что нельзя служить и Тому, Кто в нас, и тому, кто в мире: «Никто не может служить двум господам» (Мф 6:24); «Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор 6:15); «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую» (1 Кор 10:21) (см. IX.1.1, с. 299).

Сей вывод есть не столько призыв уйти от этого мира, что было бы вполне в духе православия и католицизма, но осознание необходимости отвратиться от сотворенных человеком и поселенных им в мире ложных богов: «Какая совместность храма Божия с идолами?» (2 Кор 6:16). Сие есть осознание необходимости обращения от века сего, к веку грядущему, от Ваала к Господу, Сущему внутри человека. При этом понятно, что под уходом от мира нельзя понимать переселение в монастырь, в пустынь или на необитаемый остров. Конечно, кажется, что в таких местах легче обрести покой, но на самом деле *внутренний* мир можно сохранять и во *внешней* суете.

Попутно отметим, что жены, во все времена живущие в мире и не совершившие обращения внутрь, но, совсем наоборот, углубившиеся в мир, повернувшиеся лицом к миру, и спиной к мужу, суть блудницы, прелюбодеицы, оставившие своих мужей — внутренних человек в стремлении познать, соединиться, совокупиться (все это — один глагол на иврите), с вымышленными ими же самими идолами — ложными богами. И совсем не случайно вопрос Иакова — «Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?» (Иак 4:4) — начат обращением: «Прелюбодеи

и прелюбодейцы!» Эти рассуждения, по сути, возвращают нас к выводу, сделанному вторым, который теперь может быть переформулирован так: никакие физические объекты, будь то иконы, кресты, «святые мощи», реликвии или строения, а в равной мере «святые» места, какими бы церковными иерархами и даже «наместниками Божиими» они ни были освящены, не только не могут быть посредниками в общении с Богом, но являются обольстительными посредниками ложных богов — бесов (см. I.X.8.1, с. 319).

Только этим можно объяснить феномен «чудотворных» икон. Суди сам, читатель, если материал икон и искусность руки художника не важны, но сила чудотворения принадлежит самому святому, изображенному на иконе, то никак не ответить на вопрос: Почему лишь отдельные экземпляры изображений являются чудотворными? И почему, к примеру, не мироточат печатные репродукции и фотографии мироточащих икон? Объяснение о «намоленных» иконах тоже не проходит, ибо «намоленность» никак не связана со святостью самого святого, но с количеством и качеством молящихся.

Итак, «Какова была решимость ваша, чтоб удалиться от Бога, увеличьте ее в десять раз, чтоб *обратиться* и искать Его» (Вар 4:28).

8

Восьмой вывод касается (но мы не сказали: «раскрывает») тайну искупительной жертвы Христа, которая заключается в том, что Иисус, распявшись Сам, распял вместе с Собой на кресте мир (ср. Гал 6:14). И, распяв Плоть Свою, Кровию Своею уничтожил во святом храме Божием — в человеке — завесу, преграду, отделявшую прежде «Святое» от «Святого святых». Он соделал из двух одно (ср. Еф 2:14), то есть воссоединил мужа с Богом. Тем самым Он искупительной жертвою Своею изменил антропологическое строение человека, давая ему верою возможность вселить в сердце свое Христа (ср. Еф 3:17) как единого и единственного посредника между Богом и человеками (ср. 1 Тим 2:5) (см. I.VI.5.1, с. 190).

После вселения Христа в сердце внутренний человек становится уже не абстрактным мужем, но Самим Христом (ср. Гал 2:20). И праведная жена, ища соединиться с мужем, по сути, ищет соединиться со Христом и через Него с Богом.

Обращаясь в сердце своем уже не к мужу, но ко Христу, жена становится истинно верной в том малом, о котором говорил Иисус: «Верный в малом, верен и во многом» (Лк 16:10). При всем том не будем забывать и второй половины Иисусовой мудрости: «Неверный в малом неверен и во многом». Сие означает, что можно быть монахом, схимником, отшельником, пустынником, постником, столпником, молчальником, скопцом, носить пудовые вериги и совершать много других подвигов, но неверность в сем малом... Но надо ли верному в малом, подобно живущему в мире, держаться постановлений: «не прикасайся», «не вкушай», «не делай» (ср. Кол 2:21)?! Ведь все эти заповеди только с виду напоминают мудрость.

Христос становится символической дверью для человека отвне к Богу. Символизируемая Иисусом дверь является истинным и уже в силу этого единственным путем. Но дверь эта закрыта на четыре замка, ключи к которым называются вера, надежда, познание и любовь, но любовь из сих четырех наиболее важна (см. I.VI.6, с. 197). Не имея любви, смешно и пытаться открыть эту дверь, и любой другой путь к единению с Богом — путь беззакония: «Кто не дверью входит в двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник» (Ин 10:1). И такой разбойник, пролезший на брачный пир инде, будет немедленно обнаружен; конец его известен (ср. Мф 22:13).

9

Девятый вывод, сделанный Оригеном Александрийским и лишь напоминаемый нами, говорит о том, что все мужи (внутренние человек) в итоге спасаются: «Все... будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь» (Иер 31:34); «Все сыновья твои будут научены Господом, и великий мир будет у сынов твоих» (Ис 54:13); Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2:4); «У Него все живы» (Лк 20:38). Сей итог являет собой результат апокатастасиса — восстановления всего (см. I.IX.2, с. 280). Апокатастатическим итогом этого восстановления всего является то, что «Все в свое время признано будет хорошим» (Сир 39:41), «и ничего уже не будет проклятого» (Отк 22:3).

Как это ни было бы прискорбно для желающих обретения ради удовлетворения своих похотей вечной жизни гордецов, сказанное нами относится только лишь к мужам. Судьба же внешних человек — жен, уснувших каждая в свое время, не столь радужна, ибо жена от мужа и для мужа (ср. 1 Кор 11:8–9), в том ее назначение и смысл существования. Поэтому апокатастатический итог всеобщего спасения не имеет никакого отношения к женам, у которых, окажется, нет масла в светильниках ко времени проверки, называемой Страшным судом.

При этом не требует особых комментариев судьба жен, не имеющих масла, ибо их конец — тьма внешняя, скрежет зубов и озеро огненное. В сем мы пришли к тому же, к чему пришло традиционное христианство. Для того же, чтобы сделать вывод в отношении праведных жен — подруг невесты жениха, нам придется вспомнить, что Тот, Кто являет собой Начало всего, Первый, Он же есть и Последний, Конец всего (ср. Отк 22:13). В этом смысле совершенно бесполезно и глупо вести разговор о понятиях личности и индивидуума, ибо таковые термины оказываются абсолютно чуждыми как возможности бытия после Конца, так и предположению о продолжении жизни внутри Последнего, ибо в этом случае, то есть когда внутри Него будет некая индивидуальность, не отвечающая Его универсальности, Последний перестает быть Единым (см. I.X.3, с. 308).

Иными словами, для индивидуальности путь к единству с Богом закрыт. Худшая часть жен остается во тьме внешней с угасшими светильниками, те же, которые спасаются, должны быть чисты настолько, чтобы отвечать чистоте Бога, Того, с Кем они единятся в восстановлении. А для сего они должны-таки потерять качества личности и индивидуальности, как те понимаются современным миром: «Кто хочет душу [т.е. *жену, личность*] свою сберечь, тот потеряет ее [*во тьме внешней*], а кто потеряет [т.е. *очистит до Божественной чистоты*] душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее [*живущей в Боге*]» (Мк 8:35; Лк 9:24).

Некоторые, в первую очередь бессмысленные критики учения Оригена, понимают окончательное восстановление как всеобщее спасение всех душ. Столь же бессмысленные апологеты Оригена будут после наших слов «жалеть» погибших как бы и не по своей вине жен. Последним мы могли бы задать такой вопрос: Будет ли им в той же степени жалко и своей по сути *тленной* плоти, которая рано или поздно истлеет и вместе со всем временным уничтожится окончательно? А ведь то, что они жалеют, — внешний человек — в равной с плотью мере тлен, ибо внешний человек тлеет (2 Кор 4:16). А «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (1 Кор 15:50).